

հետև, Քրայրն Ուոլարնի «Introductio»-ն (Հոնդոն, 1654 և 1655), Կլոդ Լամեիի «Erzeuves générales des caractères» գիրքը (Փարիզ, 1742), Յոհանես Անշդեի «Proef van leiferen» (Հաարլեմ, 1768), Ջիանբատիստա Քոզոնիի «Pel Solenne Battesimo di S. A. R. Ludovico» (Փարմա, 1774) գրքերը, ինչպես և Փարիզում 1767-ին տպված «Encyclopédie élémentaire...» հանրագիտարանի Բ հատորի Բ մասը, Հոսմում 1776-ին տպագրված «Alphabetum Barmanum» գիրքը և այլն: Այս բոլոր հրատարակությունների մեջ չան հայերեն բնագրեր կամ հայկական այբուեն (մի քանիսն էլ ունեն հայագիտական շատ ուշադրավ բովանդակություն): Թվարկված գրքերին կարելի է ավելացնել նաև Հայկում 1756-ին հայերեն տպված մի աղոթք, Հոսմում 1673-ին տպված մի հայերեն այբրենարան և այլն:

«Ցուցակ»-ում քիչ չեն նաև տարրեր բնույթի մատենագիտական սխալներն ու անհշտությունները, որոնց մասին մանրամասն հարկ չկա խոսելու, միայն որինակի համար տանք մի նրմուշ: 97-րդ համարի տակ նկարագրված 1676 թ., Մաշտոց-ը ունի ծանոթագրություն, ուր ասված է, թե Մատենագարանի հաստից գրականության հավաքածուի մեջ 1164-րդ համարի տակ պահվում է հիշյալ Թվականի Մաշտոցի մի որինակ, որի վրա իբրև տպագրության վայր նշված է Մարսելը և որ իբր նույն Մատենագարանի անոպրատանը 2423 համարի տակ պահվող նույն Թվականի Մաշտոցի վրա տպված է Չմյուտնիա: Մինչդեռ դա ճիշտ չէ, Մատենագարանի հիշյալ համարները շփոթված են, մի Մաշտոցի համարը վերագրված է մյուսին: Կամ՝ «Ցուցակ»-ում գրքերի նկարագրությունների տակ նշված է ամեն մի գրքի գտնվելու վայրը և այն մատենագիտական աղբյուրները, ուր հիշատակված է գիրքը: Այստեղ ևս կան սխալներ ու շփոթումներ:

Թ. ԻՇԵԱՆՅԱՆ

ANNELIESE LUDERS, *Die Kreuzzüge im Urteil syrischer und armenischer Quellen*, Berlin, 1964.

А. ЛЮДЕРС, *Крестовые походы в оценке сирийских и армянских источников*, Берлин, 1964.

Книга немецкого сиролога А. Людерс «Крестовые походы в оценке сирийских и армянских источников» рисует представления некоторых сирийских и армянских хронистов о крестовых походах в латинских княжествах Палестины и северной Сирии и характеризует их хроники как исторические источники. Сведения этих источников в данной книге рассмотрены по определенным темам. Эти темы следующие: «Причины крестовых походов», «Характер ведения войны франками», «Роль человека во франкских государствах», «Оценки западных и сирийских франков», «Отношение франков к яacobитской церкви и ее оценка духовной жизни франков в Сирии», «Отношение франков к сопредельным государствам (zur staatlichen Umwelt)», «Реакция ближневосточного мира на появление франков» и «Торговля, обращение и строительная деятельность франков». Если автор и не рассматривает податного обложения или проблематики поземельных отношений, то некоторые из выдвинутых в книге тем имеют важное значение для изучения латинского Востока.

Более полное освещение в книге А. Людерс находят сирийские хроники. Из армянских источников она использует только хронику Матвея Эдесского, включенную Михаилом Сирийцем в свою хронику, часть исторического труда Василия и надгробное слово Василия, посвященное графу Балдуину. Автор не использует хроник Григория Проповедника, Смбата Спарапета, малых армянских хроник и др., которые содержат много сведений по теме данной монографии. Поэтому армянские источники XIII в. в ней почти отсутствуют, хотя они наиболее богаты соответствующими сведениями именно для этого века.

По указанным темам автору вполне удается охарактеризовать оценку франков сирийскими и армянскими хронистами и отношение к ним по использованным источникам. Более сложным оказывается вопрос характеристики источников. «Впрочем, гораздо более полную картину,—пишет А. Людерс по этому вопросу,—дало бы привлечение мусульманских и западных источников, но это лежит вне рамок данной работы» (стр. 87). Действительно, привлече-

ние западных и мусульманских источников по вопросам, совсем не затрагиваемым в сирийских и армянских хрониках, не относилось бы к теме данной монографии. Однако характеристика источников и установление их достоверности образуют ее составную часть, при этом такая характеристика и проверка оказываются возможными только при использовании других наличных источников, в данном случае, латинских и арабоязычных. Отказ от привлечения этих последних приводит автора к некритическому использованию сирийских и армянских хроник.

Автор дает по преимуществу описательную характеристику освещения Матвеем Эдесским и сирийскими хронистами ведения боя франками. При этом рядом оказываются достоверные, сомнительные и ошибочные утверждения хронистов. Так, согласно Матвею Эдесскому, Балдуин II был захвачен в плен в 1123 г., когда, остановившись со своим отрядом при переходе, он решил развлечься соколиной охотой (стр. 42)¹. Ибн аль Асир, говоря о победе Балака над Балдуином II, не сообщает такой подробности². Хроника латинского хрониста Фульхерия Шартрского содержит только краткие сведения о выступлении Балдуина против Балака и его пленении последним. Переходя к последовавшим затем приключениям иерусалимского короля, Фульхерий делает замечание, что они окутаны разнообразными легендами³. По хронике Вильгельма Тирского, Балдуин II, проезжая по территории Эдесского графства, осматривал крепости, интересуясь их укреплениями и численностью их гарнизонов. Так же он проезжал и последнюю часть пути до нападения Балака, при этом

всадники были утомлены и засыпали на ходу. Внезапно напавший на них Балак разгромил их, а сам Балдуин II попал в плен⁴.

Сообщение Вильгельма Тирского об этом бое, по всей очевидности, является более достоверным, чем его изложение у Матвея Эдесского: к соколиной охоте обычно готовились заранее, как это можно видеть по воспоминаниям Усамы ибн Мункыза; данное сообщение Матвея Эдесского находится в противоречии с характером похода, тогда как сведения хроника Вильгельма Тирского вполне ему соответствуют. По-видимому, армянский хронист включил в свое изложение легендарные сведения, усиливавшие его позицию. При этом хроника Матвея Эдесского является в отношении франков гораздо более критической по своему содержанию и содержащимся в ней оценкам в сравнении с историческим трудом тирского архиепископа.

Рисуя отношение к франкам местного населения и реакцию, вызванную латинским вторжением в пределы Ближнего Востока, автор ограничивается сопоставлением сирийских хроник или произведений одного и того же автора, не привлекая латинских и арабских источников.

Согласно хронике Михаила Сирийца, Саладин, взяв Иерусалим, позволил христианам уйти из города, и последние должны были оплатить свой выход в размере 10 динаров за человека. Те, кто не имел средств для выкупа, оставались в плену и попадали в рабство. Из 20 000 немущих бедняков Саладин освободил 4000 стариков, 6000 передал своему войску, 5000 отправил в Египет на работы по выделке кирпича и 5000 оставил в Иерусалиме для укрепления и возведения стен (стр. 96).

По вопросу о цене за выкуп латинские и мусульманские источники сообщают, по всей очевидности, более точные сведения (10 динаров за мужчину, 5—за женщину и 1 или 2—за ребенка). Если Абу'ль Феда⁵, как и Михаил Сириец, говорит о пленении всех, не уплативших суммы выкупа, то

¹ Extraits de la chronique de Matthieu d'Edesse, 2t, Recueil des historiens des croisades (в дальнейшем—RdHdC). *Document's armeniens* (в дальнейшем—DA). Т. I, Paris, 1869, стр. 132—133.

² Extrait de la chronique intitulée *Kamel-Altevarykh* par Ibn-Alatyr, RdHdC. *Historiens orientaux* (в дальнейшем—HOr). Т. I, Paris, 1863, стр. 252—353.

³ Fulcherii Carnotensis historia iherosolymitana, III, lXXIII, RdHdC. *Historiens occidentaux* (в дальнейшем—HOcc). Т. III, Paris, 1866, стр. 454.

⁴ Willermi Tyrensis historia, XII, XXII, RdHdC, HOcc, Т. I, P. I, Paris, 1844, стр. 537.

⁵ Résumé de l'histoire des croisades tiré des annales d'Abou'l Feda, RdHdC. HOr. Т. I, Paris, 1872, стр. 57.

продолжатель Вильгельма Тирского⁶, Ибн аль Асир⁷, Беха ед-Дин⁸ сообщают еще о том, что часть нищего населения была выкуплена за 30 000 динаров. Количество бедняков-христиан, получивших свободу за эту сумму, по разным хроникам оказывается различным, но, во всяком случае, меньшим 20 000. Михаил Сириец, таким образом, опускает некоторые детали и преувеличивает количество нищих, попавших в рабство.

Баребрей в своей сирийской хронике говорит о внимании и великодушии Саладина, проявленных при взятии Иерусалима в отношении христиан, в том числе рыцарей и духовенства. В своей арабской «Истории» этот хронист отмечает только его великодушие, проявленное в обращении с нищими бедняками. Это несоответствие сообщений одного и того же автора (стр. 96) А. Людерс вполне обоснованно объясняет приспособлением хронистом своего изложения к требованиям мусульманских читателей (стр. 96—97). Установив один и тот же размер выкупа для нищих бедняков и знати и позволив уносить драгоценности, Саладин оказал большую услугу латинским баронам и высшему духовенству, а нищих обрек на рабство в мусульманском плену. Давая свободу старикам, он тем самым удалял из города нетрудоспособных. Пленных он раздавал своим эмирам и отправлял их на подневольные работы.

Терпимость и великодушие Саладин обнаруживал в обращении с латинскими баронами и князьями (если они не были его ожесточенными врагами). Обращая в рабство тысячи нищих, он проявлял крайнюю жестокость. Религиозные основания отрицательной оценки этого султана, даваемой Михаилом Сирийцем, являются односторонними, как это и отмечает немецкий сиролог (стр. 96). Тем не менее мнение

этого хрониста о жестокости Саладина является менее односторонним, чем его представляет автор рецензируемой книги.

Сообщая о взятии Аккры крестоносцами, Михаил Сириец связывает причину избиения пленных мусульман с отказом Саладина возратить знатных латинских пленников. Баребрей—с неуплатой Саладином условленной договором суммы денег (стр. 61—62).

Продолжатель Вильгельма Тирского⁹ и некоторые другие латинские хронисты, как и Михаил Сириец, включают в условия договора Саладина с крестоносцами только передачу креста и возвращение пленных. Амбруаз¹⁰, Абу'ль Феда¹¹, Беха ед-Дин¹² и некоторые другие присоединяют к этим условиям еще и обязательство Саладина выплатить денежную контрибуцию. Сообщения сирийских хронистов по этому вопросу являются неполными и только в своей совокупности создают более полную картину.

Армянские и сирийские хронисты, обычно хорошо осведомленные об отношениях восточного феодализма и хорошо их понимавшие, нередко не имели правильных представлений о специфических особенностях феодальных отношений в латинских колониях. При этом некоторые из этих особенностей получали в их произведениях восточные формы, а на общественные отношения западноевропейского феодализма переносились характерные черты восточного.

А. Людерс в иных случаях отмечает влияние восточных общественных отношений на подход хронистов к некоторым историческим явлениям. Так, она отмечает, что по хронике Михаила Сирийца папство совсем не является решающей силой в крестовых походах. По мнению автора, этот хронист не мог правильно понимать поло-

⁹ L'Estoire de Eracles empereur, XXVI, RdHdC, HOcc. T. II, стр. 177—178.

¹⁰ Ambroise, L'Estoire de la guerre sainte. V. 5199 etc. Paris, 1897, стр. 139 и др.

¹¹ Resume de l'Histoire des croisades tire des annales d'Abou'l Feda, RdHdC, HOcc. T. I, стр. 63.

¹² Anecdotes et beaux traits de la vie du sultan Ioussouf... par Beha ed-Din, RdHdC, HOcc. T. III, стр. 236 и др.

⁶ L'Estoire de Eracles empereur, XXIII, LIX etc. RdHdC, HOcc. T. II, Paris, 1859, стр. 88 и др.

⁷ Extrait de la chronique intitulée Kamel-Altevarykh par Ibn Alaty, RdHdC, HOcc. T. I, стр. 700 и др.

⁸ Anecdotes et beaux traits de la vie du sultan Ioussouf... ouvrage composé par Beha ed-Din, RdHdC, HOcc. T. III, Paris, 1884, стр. 101—102.

жения римского папы в Европе в силу конкретных особенностей существования церкви на Востоке (стр. 64).

Автор воспроизводит то место хроники Матвея Эдесского, в котором говорится о выступлении антиохийского князя Рожера против объединенных сил туркмен, турок и арабов. Последовавшее затем поражение Рожера, не дождавшегося подхода сил латинских князей, армянский хронист объясняет эгонистическими стремлениями Рожера, его самолюбием, жадностью добычи и славы (стр. 41). Вильгельм Тирский также отмечает нетерпение Рожера, свойственное всем смертным, бессильным предвидеть будущее¹³. Индивидуальные черты характера Рожера в хронике Матвея Эдесского выступают с большей силой, чем у какого-либо другого хрониста.

Но Вильгельм Тирский говорит еще и о том, что в войске Рожера имелись бароны, которые хотели защитить свои замки, находившиеся вблизи расположения неприятеля, и заботились гораздо больше о своих землях, чем о боеспособности армии. Князь Рожер последовал их совету оставить укрепленный лагерь, в котором войско остановилось, и приказал перейти в местечко Кампус Сангвинис, где латинские бароны потерпели полное поражение¹⁴. Совершенно очевидно, что при этом имели место собрание и совет баронов, решавших таким образом судьбу похода. Князь должен был подчиняться вынесенному решению, даже если оно противоречило его интересам и планам. Данное событие ускользнуло от внимания армянского хрониста. Это упущение оказывается вполне естественным, если принять во внимание, что армянские и другие восточные князья обычно принимали самовластные решения, а участие пэронов или эмиров в решении какого-либо вопроса имело весьма ограниченные последствия.

Сообщая о взятии Тира, Матвей Эдесский говорит об одном только прибывшем в Палестину венецианском доже, которого он называет герцогом (*унид*), и, таким образом, приписывает осаду и взятие этого города одному ему (стр. 34)¹⁵. Однако,

согласно хронике Фульхерия Шартрского, решение о взятии Тира было принято по общему волеизъявлению (*communi et gratuita voluntate*)¹⁶. Вильгельм Тирский сообщает более конкретные сведения о том, что это решение было принято на общем совете в составе иерусалимского патриарха, прелатов, дожа и князей королевства¹⁷. В переводе хроники Вильгельма Тирского на старофранцузский язык сведения о совещаниях князей, прелатов и венецианцев выражены весьма неясно¹⁸: во Франции отношения развитого феодализма не выступали с такой полнотой, как в колониях. Нет ничего удивительного в том, что автор армянской хроники прошел мимо некоторых проявлений западноевропейского феодализма и односторонне представил осаду и взятие Тира. Когда он писал свою хронику, латинское господство в северной Месопотамии едва держалось, и это, по-видимому, предрасполагало хрониста выдвигать на первый план внешнюю военную поддержку латинским княжествам и ее значение.

Автор неоднократно выделяет отрицательную оценку, даваемую Матвеем Эдесским и сирийскими хронистами, алчности, жадности франков в их погоне за золотом и деньгами. Однако значение соответствующих мест хроник оказывается не вполне выясненным ввиду того, что ориенталистка не сопоставляет их с параллельными латинскими и мусульманскими источниками.

Так, Матвей Эдесский сообщает о том, что Балдуин, получив известие о смерти Готфрида и собираясь отправиться в Иерусалим, обложил жителей Эдессы всеми видами податей и получил в результате громадные средства (стр. 57)¹⁹. Латинские хроники об этом факте совсем не сообщают. Давая характеристику Балдуину II, армянский хронист отмечает, что он был крайне жадным до денег (стр. 57—58)²⁰, о

¹⁶ Fulcheri Carnotensis historia iherosolymitana, III, XXVII, RdHdC, HOcc. T. III, стр. 459.

¹⁷ Willermi Tyrensis historia, XII, XXIV, RdHdC, HOcc. T. I, p. I, стр. 548, 549.

¹⁸ Там же, стр. 549.

¹⁹ Extraits de la chronique de Matthieu d'Edesse, *ibid.*, RdHdC, DA. T. I, стр. 52.

²⁰ Там же, *ibid.*, стр. 119.

¹³ Willermi Tyrensis historia, XII, IX, RdHdC, HOcc. T. I, p. I, стр. 523.

¹⁴ Там же, стр. 524.

¹⁵ Extraits de la chronique de Matthieu d'Edesse, *ibid.*, RdHdC, DA. T. I, стр. 141.

чем латинские хроники также умалчивают. Тот же хронист говорит о разорении населения в районе Абласти (*Ապլաշիթ*, стр. 37)²¹. Автор надгробного слова графу Балдуину Василий заставляет этого графа рассказать о разорении, бедствиях и несчастьях, которые он причинил армянскому населению (стр. 65)²². Если крестьянские подати и повинности в латинских колониях и сохранялись прежними, то, согласно приведенным сведениям, франки неоднократно обращались к мерам экстраординарного обложения.

Насколько различен подход к описываемым событиям эпохи крестовых походов у армянского и сирийских хронистов и, например, у Вильгельма Тирского, видно из следующих положений «Истории» последнего. Указав на упадок латинских княжеств, он продолжал: «Поэтому следует молчать, и кажется более удобным покрыть наши недостатки ночью, чем осветить постыдное солнцем»²³. Сирийские и армянские хронисты освещали и то, что замалчивали франки.

А. Людерс считает, что в отношении местного армянского и сирийского населения к франкам со временем произошел поворот, который был вызван их военными неудачами. Автор даже датирует его, относя ко времени падения Эдессы. Падение Эдессы и последовавшие за ним другие поражения доказали неспособность франков поддерживать свое господство (стр. 84). Однако перемены в отношении местного населения к латинскому господству были связаны, в первую очередь, с особенностями введенного ими податного обложения и ус-

тановленными ими порядками. Отмечаемая некоторыми источниками поддержка крестоносцев армянами в первом крестовом походе обуславливалась недовольством турецким господством. Именно неоднократно отмечавшиеся армянскими хронистами репрессии и непомерные поборы времени латинского господства были, несомненно, основной причиной возраставшего недовольства местного населения франками, которых оно первоначально поддерживало в большей степени.

Успехи мусульман в борьбе против франков, по мнению автора, зависели только и исключительно от силы и энергии их вождей (стр. 93). Но уже достаточно хорошо известно, что успехи Саладина имели основанием соответствующую организацию армии, определявшуюся социальными отношениями на Ближнем Востоке той эпохи. Общественный строй империи мамелюков обуславливал не только организацию армии, но и успехи отдельных султанов в войнах с монголами и франками. Говоря об исключительной зависимости военных успехов от способностей вождей, автор преувеличивает значение последних.

Книга А. Людерс, таким образом, посвящена одной из важнейших тем эпохи крестовых походов: если латинские и мусульманские хронисты односторонне изображают многие исторические события данной эпохи, то сирийские и армянские авторы представляют их более объективно, обнаруживая в то же самое время более критическое отношение и к той, и к другой стороне. Вполне правомерным является рассмотрение сирийских и армянских источников в одной монографии, так как и те, и другие хронисты писали в близких или сходных социально-политических условиях и условиях положения церквей на Востоке, хотя автор, будучи сириологом, не использует армянские хроники в сколько-нибудь достаточной степени.

Г. ДМИТРИЕВ (Ленинград)

²¹ Там же, *ibid.*, стр. 80—81.

²² *Oraison funèbre de Bauldouin, comte de Marasch et de K'ecoup, par Basile, RdHdCd, DA. T. I, стр. 209 и др.*

²³ *Willermi Tyrensis historia, XXIII, Praefatio, RdHdC, НОсс. T. I, p. II, стр. 1132.*